

II. Материалы региональной научной конференции «Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях»

Министерство образования и науки РФ
Уральский государственный педагогический университет
Исторический факультет
Кафедра всеобщей истории

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

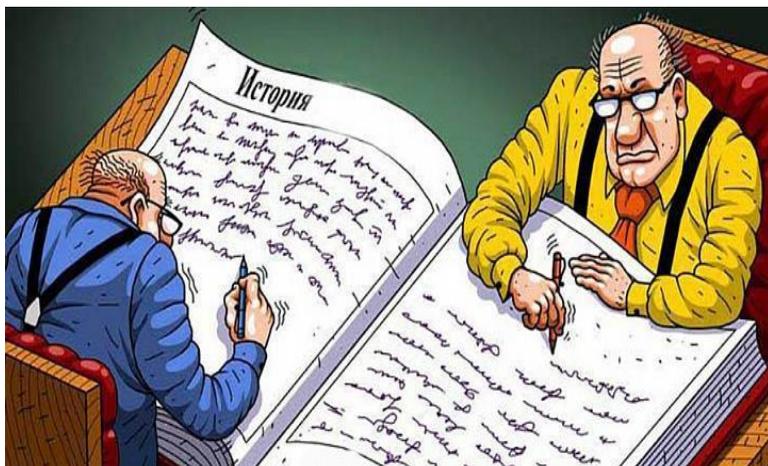
ПРОГРАММА РЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМАТЕ

«КРУГЛОГО СТОЛА»

Екатеринбург, 15 апреля 2016 г. в 16.00

Вопросы для обсуждения:

1. Мир в поисках идентичностей: неизбежность историоризации.
2. Запад: драма глобальных переидентификаций.
3. Восток: мир стабильных идентичностей?
4. Россия: поиск коллективных идентичностей.

Организационный комитет:

Бахтина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Уральского государственного педагогического университета;

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Постникова Алёна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Шистеров Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета;

Голотина Алёна Игоревна, ст. лаборант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета.

Ведущий дискуссии:

Земцов Владимир Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории УрГПУ.

Участники дискуссии:

Баранов Николай Николаевич, д-р ист. наук, доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории УрФУ;

Железняк Виктория Михайловна, студент 4-го курса исторического ф-та УрГПУ; **Забара Людмила Ивановна**, канд. философских наук, доцент, доцент каф. философии УрГПУ;

Каравасева (Федорова) Дина Николаевна, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии Уральского Отделения РАН;

Ковин Владислав Викторович, студент 3-го курса исторического ф-та УрГПУ;

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант каф. всеобщей истории УрГПУ;

Кузьмин Вадим Александрович, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. востоковедения УрФУ;

Ляпин Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент, доцент каф. истории России УрФУ; **Мурзина Ирина Яковлевна**, д-р культурологи, профессор, зав. кафедрой культурологи УрГПУ;

Нечаева Александра Алексеевна, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Постникова Алёна Александровна, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Смирнов Сергей Викторович, канд. ист. наук, доцент, доцент каф. новой и новейшей истории и кафедры востоковедения УрФУ; доцент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шестакова Надежда Фёдоровна, ассистент каф. всеобщей истории УрГПУ;

Шистеров Максим Валерьевич, канд. ист. наук, доцент каф. всеобщей истории УрГПУ.

Стенограмма «круглого стола» конференции «Проблемы национальной и политической идентичности в исторических исследованиях»
(печатается с сокращениями)

В.Н. Земцов: Уважаемые коллеги, друзья, я рад приветствовать вас в аудитории имени Бориса Алексеевича Сутырина, которую удалось открыть 17 марта. <...> Всякий раз, когда мы будем собираться в этой аудитории, будем вспоминать Бориса Алексеевича. <...>

Друзья мои, сегодняшний Круглый стол... трудно даже сказать, какой по счету, седьмой или восьмой, который кафедра проводит с участием наших уважаемых коллег. Как правило, а фактически всегда, после расшифровки видеозаписи мы публикуем материалы в нашем сборнике «Вопросы всеобщей истории». Проходит некоторое время после Круглого стола и публикации его материалов, и ты обращаешься к ним, и всякий раз убеждаешься в том, что было очень интересно, очень здорово, и даже восхищаешься тем, что говорил. (Смех). Поэтому, друзья мои, очень советую: потом, когда уже сборник выйдет (а выходит он, как правило, поздней осенью), заглянуть в него, и... вы получите большое удовольствие.

Сегодняшний Круглый стол посвящен проблемам идентичности, проблемам, которые, как оказывается, последние годы волнуют всех. Причем, какая только идентичность не оказывается в центре внимания! И мне кажется, что это веление времени и, больше того, это не мода (иногда бывает так, что конференции, круглые столы, сборники посвящаются вещам, которые просто являются модными). Мне кажется, что в данном случае это не так. Я позволю себе начать не с тех вопросов, которые у нас обозначены в информационном письме, и с которыми все наверняка знакомы. <...>

Мне бы хотелось начать с проблемы, с которой многие из моих коллег, и я тоже, сталкиваемся в последнее время. Это проблема идентичности, самоидентичности нас самих, нас, историков, и той сферы (то ли науки, то ли знания, то ли профессиональной деятельности), в которой мы находимся: что такое история, что такое историческое исследование, что такое современный историк? Мне кажется, что эта проблема идентичности историка связана с двумя аспектами. Первый аспект – это вопрос о междисциплинарности. Здесь я напомню, что в прошлом году у нас Круглый стол как раз этому и был посвящен. И мы сошлись на мнении о том, что междисциплинарность в исторических исследованиях – это вещь замечательная и, больше того, она помогает вообще истории как науке существовать и надеяться на завтрашний день. Но два дня назад, включив телевизор, наткнулся на передачу «Парламентский час». Я такое не смотрю, но как-то так «зацепи-

лось»... Шел репортаж с очередного, то ли съезда, то ли другого подобного мероприятия учителей истории. Причем, это происходило в Институте всеобщей истории, и в президиуме сидели С.Е. Нарышкин, министр образования и науки Д.В. Ливанов, А.В. Чубарьян... И целый ряд других, хорошо нам известных людей. И вот главный историк нашей страны Сергей Евгеньевич Нарышкин заявил о том, что пора, мол, отказываться от междисциплинарности в преподавании истории. И второй его тезис (тоже совершенно замечательный): а зачем нам терминология из других наук? Историки должны пользоваться тем, что у них изначально было наработано, а все остальное – это от лукавого – от социологов, от философов... Зачем это нам надо? Меня это, конечно, покорило. Потому что это вообще-то идет в разрез с теми процессами, которые для нас, для профессионалов, совершенно очевидны. Далее я начал рассуждать о том (вспомнив, кстати сказать, В.В. Согрина), что история, она существует как бы в трех аспектах: во-первых, история «народная», народное восприятие прошлого; во-вторых, национально-государственная, государственно-патриотическая история, и она во всех странах и у всех народов, конечно, существует, и она материализуется в виде учебников, прежде всего. В данном случае Нарышкин, конечно, выступал с этих позиций. Ну и, наконец, академический срез исторических знаний, истории, к которому (по крайней мере, большинство сидящих здесь) мы близки и, конечно, хотели бы в рамках его и остаться, а все бы остальные относились к прошлому так, как относятся историки-профессионалы.

Я даже часто вспоминаю 90-е гг., когда шел процесс интеграции академической науки и школьного образования, и с ностальгией вспоминаю эти времена. Но это, конечно, было еще связано с нашей какой-то наивностью: думали, что вот так, просто, это можно было сделать. И, конечно, в хрустальном дворце, в хрустальной башне долго не проживешь. Так или иначе, мы вынуждены отвечать на запросы времени, а самое главное – спрашивать себя: а кто музыку заказывает? Кто нам платит деньги? И в этом плане проблема «кто мы такие?» – это вопрос о междисциплинарности – перед нами сегодня очень остро стоит.

Второй блок проблем связан с тем, что вообще само поле исторического исследования и предмет исторического исследования очень изменились. Я напомним здесь слова замечательного мыслителя, историка и философа Поля Рикёра. Он говорил о том, что «историю событий сегодня сменила история интерпретаций». И здесь сразу же на память приходят еще и М. Хальбвакс, и те, кого сегодня чаще всего цитируют в исторических работах – Э. Саид и Л. Вульф. Вот еще два замечательных имени, с которыми недавно познакомился, – американец П. Гири, автор «Мифа о нациях Средневековья» (действительно, сама идея наций стала создаваться, начала создаваться, если говорить о Ев-

ропе, именно тогда, в эпоху Средневековья; у нас, я имею ввиду Россию, это было несколько позже, думаю, что это все-таки был XVIII в.), и немецкий историк Ф.Б. Шенк, книга которого о русских образах Александра Невского, о том, как эти образы менялись, трансформировались, переведена на русский язык.

И вот... это действительно не мода. Это некая реальность, и мы осознали, что мы не воссоздаем прошлое, «каким оно было на самом деле», а мы только анализируем образ этого прошлого. И когда сегодня возникает вопрос: кто из моих аспирантов по какой специальности «пойдет» (я имею ввиду 07.00.03 – всеобщая история или 07.00.09 – историография, источниковедение и теория исторической науки), – то я вдруг обнаружил, что среди тех, кто защитился, трое шли по 09, а не по 03. И сегодня тоже такая же проблема стоит перед теми аспирантами, которые должны защищаться... Хотя аспиранты занимаются зарубежной историей, но оказывается, что очень сложно сегодня провести в диссертационном совете диссертацию по 03. Почему? Потому что мы сегодня чаще всего изучаем образы... образы памяти... и все остальные вещи, которые с этим связаны.

Блок, который сегодня также заставляет историков задуматься о своей идентичности, это проблема... национального заказа (я бы сказал так). Потому что становление исторической науки как науки (по крайней мере, она претендовала на этот статус долгое время) произошло в XVII – XVIII вв., а еще чаще в XIX в. Почему? Потому что был национальный заказ: а вы, историки, давайте скажите, откуда история нашего государства, нашего народа началась! Историки сказали: Есть! – И они нашли эти истоки. Особенно интересным образом нашли... Вы знаете трех немцев: Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер и А.Л. Шлётцер. Они сказали, что с Рюрика началась наша история. Анна Иоанновна сказала: Наверное, так оно и было. И наши учебники до сих пор фактически с Рюрика и начинают. Но Рюрик – это мифический персонаж, по крайней мере, тот, который якобы приплыл на наши берега. И вот это противоречие (и мы сами осознаем это): национальная история, которую мы написали, – это история мифа, национального мифа. Это мы осознаем.

В.А. Ляпин: Рюрик есть национальное достояние.

В.Н. Земцов: Я согласен. Нас снимают. *(Смех)* Мы, историки, осознаем, что, в общем-то, то, что мы создавали на протяжении полутора-двух веков, это, вообще-то, вещи антиисторичные. И сегодня, наверное, перед историками стоит важная проблема создания национальной истории. Это связано с процессами глобализации. Но... процессы глобализации сегодня оказались под большим вопросом: вновь народы обращаются к своим историческим... (как они это воспринимают) корням, и оказывается, что перед нами вновь ставится

задача: ребята, давайте доказывайте то, что наш народ уникальный... Когда мы отвечаем, что другие народы тоже уникальные, тогда задается следующий вопрос: а ты с кем вообще-то? Ты чем занимаешься? Ну, и кто тебе, в конце-то концов, деньги будет платить?

Я считаю, что вот эти три момента сегодня серьезно ставят вопросы перед современными историками (не только перед отечественными, российскими; я считаю, что это характерно для всего сообщества историков, за исключением историков Востока – там вообще все идет не так, как мы привыкли считать; мы ориентируемся все-таки на европейскую традицию). А вот перед представителями этой европейской традиции, к которой я все-таки причисляю российскую традицию, эта проблема стоит именно таким образом.

После этого вступления я хотел бы перейти к обсуждению первой обозначенной в программе конференции проблемы. Это достаточно органично и естественно будет: «Мир в поисках идентичностей: неизбежность историоризации».

Пожалуйста, друзья мои, кто бы хотел продолжить мои гениальные мысли?

В.А. Ляпин: Давайте, я попробую... Вот то, о чем говорил уважаемый Владимир Николаевич в плане того, кто мы... Мы – люди, изучающие прошлое, да? Если мы будем изучать прошлое так, как требуют те, кто платят нам деньги, мы превратимся в наемников. Наемничество запрещено уголовным кодексом. *(Смех)* Мы превратимся в наемников, то есть работающих за деньги.

Что такое прошлое? Прошлое – это то, о чем нам говорит источник. Потому что другого прошлого нет. Отсюда... Совершенно верно Владимир Николаевич сказал: мы никогда не воссоздадим ту картину прошлого, которая была на самом деле. Потому что любой источник, любая совокупность источников – не полные. Даже время, которое мы с Владимиром Николаевичем изображали в движении реконструкции, времена 1812 г... Мы никогда не узнаем людей 12-го года такими, какими они были на самом деле. <...>

Образ прошлого всегда не полный, а чаще всего условный и очень сильно мифологизированный. Действительно, «мы наш, мы новый миф построим...» Миф – есть национальное достояние. Покушаться на него смертельно опасно. Споры о том, кто был У. Шекспир, в Англии запрещены. Шекспир – сын перчаточника, родившегося в Стратфорде-на-Эйвоне. Вам покажут дом, где он родился и все прочее, хотя он там не мог родиться, если он написал то, что написал Шекспир. Он не мог родиться в этом доме.

В.Н. Земцов: Владимир Александрович, Вы очень категоричны... *(Смех)*

В.А. Ляпин: Я абсолютно категоричен! Это был не тот человек или, может быть, несколько человек, скрывавшихся под этим псевдонимом. А то, что это псевдоним, абсолютно уже доказано. Кто скрывался – вот вопрос.

То же и национальный миф Франции – это девочка из лотарингской деревни, дочь обедневшего дворянина д'Арка, которая на самом деле была сводной сестрой короля. И никем иным быть не могла. (*Оживление в аудитории*) Иначе бы никто не позволил ей надеть доспехи, которые носили, во-первых, только мужчины, и, во-вторых, только дворяне. Попытка крестьянина надеть доспехи заканчивалась для него смертью.

Как написал Виктор Суворов, читать которого будет скоро государственным преступлением... так что спешите купить... Мне недавно предлагали (это в связи с упомянутым Суворовым) разговорник, русско-немецкий разговорник 1941 г., который свидетельствует о том, что пытались разговаривать... где живет бургомистр, где члены партии... Понятно, какой парии. Не в Белоруссии же они будут разговаривать... Я сказал, что вы ведь за книгу дешево не запросите, а держать ее просто так в своей домашней библиотеке... Зачем? Ради того, чтобы доказать кому-то, показать... Скоро ее кому-то показывать будет опасно. Зачем? Так что миф... Миф о Великой Отечественной войне... Миф о том обществе, которое было построено в нашей стране, и в котором мы продолжаем жить, и т.д.

Этих мифов может быть сколько угодно. И в любой стране... История любой страны – это миф.

Дальше... Это вопрос о национальном заказе. Конечно, он присутствует в представлении любого народа о своей стране, о своем прошлом. Коллеги уже заметили, что любой стране, что в какой бы стране я не был, потом начинаются какие-то пертурбации... (*Смех*)

Вопрос из зала: Где вы были в последний раз?

В.А. Ляпин: Последний раз я был в Мюнхене. Туда хлынул поток... этот самый... с Востока...

Я съездил в Киев, в котором давно мечтал побывать... Жил я недалеко от Майдана. Ну и, конечно же... «Ходите в гости по утрам...» Пошел с утра в Национальный музей. Теперь он так называется. Там целый зал на 2-м этаже, посвященный Трипольской культуре, которую вы помните (очень смутно) по какому-то там раннему классу средней школы. «С чего бы это вдруг одной из археологических культур посвящен целый зал Национального музея Украины?» – подумал я. Оказывается, трипольцы были провозглашены торжественно прямыми предками украинцев. На каком же основании? А на основании, что орнамент на трипольской керамике идентичен, по мнению авторов, узору украинской вышиванки. Вот такой уровень науки. Они от кого

угодно себя произведут, лишь бы не быть рядом с клятыми москалями. Это заказ, причем заказ очень грубый. На уровне мышления киевских, с позволения сказать, ученых. Вот так вот. То, что у нас все особенное... Это как в анекдоте. Сделайте, чтобы дважды два было четыре, но как-то по-русски... Здесь нужно всегда... истина всегда лежит где-то посередине... Не надо ударяться в какие-то крайности. Вот то, что я хотел сказать буквально вслед за словами Владимира Николаевича.

М.В. Шистеров: Я бы тоже два слова хотел сказать...

В.Н. Земцов: Ищем середину, ищем середину!

М.В. Шистеров: Мне кажется, что здесь не нужно искать середину. Такой пессимизм, на мой взгляд, нисколько не оправдан. Существовал Рюрик как историческое лицо или нет – это не принципиально в данном случае. Можно найти и другие подобные примеры. Если вспомнить антично-римскую историографию, к примеру, то, что мы прочтем у Тита Ливия? С чего он начинает свою работу? Он откровенно пишет, что Рим мог бы провозгласить своим родоначальником любого из Богов, и это было бы воспринято современниками совершенно нормально, т.к. «правила игры» устанавливают римляне. Греческий историк Фукидид, который протестовал против метода Геродота (так он себя позиционировал), пытался писать историю современности именно потому, что эта история была относительно верифицируема. Однако проблема заключается в том, что если даже пишут очевидцы и современники событий, все равно они не могут описать их объективно. Тезис о том, что историк работает с источниками, для нас является аксиомой. Но, в то же время, совершенно очевидно, что даже если источники сохранились, или даже если мы описываем события относительно близкие, все равно картина всегда остается неполной. Поэтому и начинается история интерпретаций. Мне кажется, надо просто принять это как факт потому, что бессмысленно претендовать на что-то иное. Другое дело, как к этому относиться. Мне кажется, вопрос не в том, что мы делаем, а как мы к этому относимся.

В.А. Ляпин: В.Р. Мединский говорит, что вопрос не в фактах, а вопрос в их интерпретациях.

В.Н. Земцов: Ирина Яковлевна, пожалуйста.

И.Я. Мурзина: У культурологов есть сейчас такая расхожая фраза: «Прошлое – чужая страна». Чужая страна, ключи от которой потеряны. Но само осознание проблемы рамок, определяющих и, в известной мере, ограничивающих историческое исследование ставит сегодня вопрос о поиске возможностей и путей его расширения, в том числе за счет междисциплинарного взаимодействия.

В чем специфика взгляда на прошлое у культурологов, почему нередко в исследованиях на историческом материале культурологи обнаруживают, фиксируют иные грани исторического бытия? Почему

они иногда берут на себя смелость заполнять те лакуны, которые возникают в силу отсутствия, например, исторических источников, на чем строятся их интерпретации и реконструкции исторических событий, касающихся, понятно, прежде всего, социально-культурной области?

Дело в том, что культурологи стремятся, прежде всего, к выявлению логики исторического развития культуры, поиску закономерностей появления и развития тех или иных социокультурных феноменов. Они опираются в этом на разработанную типологию культур, описывающей исторически образовавшиеся культурные миры как особые реальности, обладающие системными свойствами, описываемыми с помощью различных концептуальных моделей. Для культурологов важно чувствовать историческую обусловленность всего происходящего в истории культуры. При взгляде на истории у них нет представления о произвольности или хаотичности явлений и событий. Кажется, В.Г. Белинскому принадлежит фраза о том, что если есть идеи времени, то есть и формы времени. Именно представление об этой связи питает интерпретации истории и ее реконструкции.

Такой подход может быть применим и тогда, когда мы обращаемся к образу прошлого или мифу о прошлом. Ибо в контексте культурологического исследования акцент может быть сделан на том, как они воспроизводят, например, архетипы коллективного сознания, в том числе и национального сознания, включая деформации сознания, которые существуют. И это тесно связано с феноменом идентичности, особенностями его формирования. Потребность в реконструкции (или конструировании) прошлого заложена, на самом деле, глубоко в общественном сознании, ибо она выражает потребность социума в самоконструировании на каждом отдельном историческом этапе его существования.

У культурологов не вызывает сопротивления тот факт, что массовое сознание мифологично по своей природе. Но это не тождественно признанию его ложности, которое не дает повода для рефлексии исследователя. Мифы о прошлом, истории своей страны при таком подходе могут служить источником для анализа представлений о конструировании народом, нацией своей идентичности, поиске самостебленности во времени, изучения соционормативного ядра культуры, задающего коллективное видение целей и смыслов национального и государственного бытия, проявляющееся и в мотивах поведения отдельных исторических персонажей и в конкретных государственных решениях. При этом именно историческая наука, как представляется, способна удерживать все эти реконструкции на твердой почве, возвращая их к постоянному требованию верификации в связи с известными фактами и существующими источниками. В этом, как представляется, кроется одна из перспектив междисциплинарного подхода.

В.Н. Земцов: Ну и, наверное, вот эта междисциплинарность возможна еще и потому, что историки в последнее время стали как-то более самокритично подходить к тому, что они делают. Потому что ранее существовала очень простая такая, жесткая ситуация: у меня есть источник, я знаю, как было на самом деле, и какое право ты имеешь сюда лезть? Сегодня мы уже и к себе самим относимся несколько более скептически... И тем не менее, вот когда Владимир Александрович говорил по поводу того, что прошлое нельзя реконструировать (и мы это осознаем), мне вспомнилась старая статья Павла Юрьевича Уварова «Апокатастасис: Основной инстинкт историка». Я часто ее вспоминаю. Мы понимаем, что реанимировать всех людей, которые были до нас, невозможно, но если мы этого не сделаем, мы не сможем познать прошлое, каким оно было на самом деле. И мы все равно к этому стремимся. Мы понимаем, что этого не достичь, и все равно стремимся к этому. И вот в этом отношении, наверное (по крайней мере, для меня и для многих моих коллег), в этом заключается какой-то выход: мы осознаем пределы своих возможностей и, тем не менее, внутренний инстинкт к реконструкции прошлого заставляет нас это делать.

М.В. Шистеров: Возникает вопрос: зачем мы все это делаем? Это просто некая потребность? Для чего это делается?

С.В. Смирнов: ...это то, что реализуется. Вот, говорят, допустим, о мифологическом сознании... Здесь ведь выходим на психоанализ, но, по сути дела, мы говорим о коллективных образах, первичных, которые создаются. Человек – существо социальное, которое живет в рамках коллектива. Он себя ассоциирует с этим коллективом. То есть вот, коллективные идентичности, они изначально рождаются. То есть, они меняются просто в ходе истории, по мере развития, по мере трансформаций. Можно сказать, что управление идентификацией всегда присутствовало. Всегда присутствовало, сколько человечество себя осознает как некое существо, существующее рядом с другими существами.

В.А. Ляпин: Ну, социальное существо.

С.В. Смирнов: Конечно. И в этом плане тут большой проблемы-то, наверное, и нет. И инструменты формируют этот образ, образ в любом случае всегда... Инструменты тоже могут различаться. История – как один из инструментов формирования этих образов. И мне кажется, что даже такие понятия как наука и миф разводить тоже невозможно. Это одновременно существующие вещи, которые просто разные сферы отражают. Наука и миф работают с образами.

М.В. Шистеров: И то и другое – способы самоидентификации и построения коллективной идентичности. Собственно, историописание – это один из механизмов построения такой идентичности.

В.Н. Земцов: Вопрос только в том, он более убедителен, этот миф, или менее убедителен.

И.Я. Мурзина: Но вопрос ведь, для кого? Кого вы хотите убедить?

В.Н. Земцов: Для кого? Я постараюсь чуть позже, по крайней мере, порассуждать...

Николай Николаевич, пожалуйста.

Н.Н. Баранов: Мне представляется, что идентичность любого уровня предполагает наднациональное, она без мифов невозможна. И строгое научное знание, которое разрушает мифы, оно способно разрушить идентичность. Если позволите, я проиллюстрирую это, показав вам две картинки.

В.Н. Земцов: Картинки... Давайте картинки.

Н.Н. Баранов: Сопроводив их словами. В 2012 г. вышел в свет трехтомник, по сути, энциклопедия, которая называется «Европейские места памяти». Результат многолетнего труда под руководством четырех маститых ученых-немца, австрийца, швейцарца и голландца нескольких десятков (примерно 60) авторов, историков, в основном, молодых, амбициозных и малоизвестных. Из авторитетных только Мирослав Грох присутствует. Причем, работали примерно 14 лет, работа началась еще тогда, когда провалилась конституция ЕС. И, в принципе, результаты этой работы напрямую не связаны с текущими проблемами (Греция, мигранты и т.д.). Так вот, давайте мы проверим себя на идентичность! Попытаемся каждый за себя и все вместе ответить на проклятый вопрос: Европа ли Россия?

В.А. Ляпин: Сталинград в эти места не включен.

Н.Н. Баранов: Не включен.

В.А. Ляпин: Голову на отсечение даю... Ну, понятно... А Москва вообще не европейский город... Не помнят, не хотят помнить. Они помнят только то, что их возвеличивает. Россия... Хорошо бы, чтобы вообще вас здесь не стояло...

Н.Н. Баранов: Владимир Александрович, не так, не так... (*Демонстрирует на экране*) Вот, три тома. Уважаемое издательство «Ольденбург», на немецком языке. «Европейские места памяти». Первый том имеет подзаголовок «Мифы и основные понятия европейского самосознания», второй – «Европейский дом», третий – «Европа и мир». Причем структура томов примерно одинаковая.

Ну, вот, просто можно немножко посмеяться над оформлением обложки. Такая эклектика... Я просто не по всем позициям пробежусь. Вот первый том, а он (как и второй том) начинается разделом «Мифы», а в нем статьи: «Миф о Европе», «Миф о Европе в искусстве», «Миф о Европе в литературе». Затем – раздел «Общее наследие». Вот здесь М. Грох отметил статью «Между национальной и европейской

идентичностью». Потом смотрим раздел «Основные понятия»: статьи «Наследие античности», «Христианство», «Иудаизм», «Ислам», «Гуманизм», «Просвещение». Следующий раздел: «Основные свободы»: предсказуемый набор статей «Права человека», «Правовое государство», «Разделение властей»... «Пространство Европы», слабый раздел, я даже его пропущу. Потом – «Военный опыт и стремление к миру». Известный, я бы сказал, европейской известности историк П. Лангевитше написал статью «Европа войн» и т.д.

Самый интересный – это второй том. Первый том концептуально постановочный, а второй том все конкретизирует. Причем авторы-составители утверждают, что выбор словарных статей во многом определялся несистемными факторами. Безусловно! 123 энциклопедических статьи... Подборка случайная, но руководствовались тремя важными критериями: европейское место памяти – это такое событие, которое уже современниками осознавалось как общеевропейское явление. Потом – это такое явление, которое имело механизм ретрансляции и рецепции в европейском масштабе... Вот, «Фауст» Гёте – очень быстро перевели, отпечатали, на многих языках, распространили... Я не буду спрашивать, не буду просить поднять руки, кто дочитал «Фауста» Гёте до конца... И третий критерий... такое должно быть место памяти, которое общее для всех от Бреста до Урала...

В.А. Ляпин: От Брест, а... До Бреста, потому что... **Н.Н. Баранов:** Бреста французского!

В.А. Ляпин: А, я думал... Свердловск... *(Смех)* Потому что действительно... Европа заканчивается городскими воротами Вены. Дальше начинается Азия, как говорили в XVIII в. Все правильно! Так и осталось...

Н.Н. Баранов: Я прошу обратить ваше внимание на содержание второго тома. Первый раздел – «Мифы»: «Бык», «Геркулес», «Эней», «Антигона», «Марафон», «Герои работы»... Это вообще, наверное, для нас с вами требует разъяснения. Но... героизация труда, она присутствовала во многих идеологиях и идейно-политических построениях не только в Советском Союзе, но и при других режимах... Интересная статья – «Бастион христианства», посвященная Хорватии. Так ее назвал в начале XVI в. Папа Лев X за отчаянное сопротивление хорватов османскому вторжению на Балканы.

В.А. Ляпин: Да, потому что католическая. Потому что европеец – это католик или протестант.

Н.Н. Баранов: Здесь присутствует и некая самоирония. В раздел «Мифы» помещена статья о премии имени Карла Великого, которая ежегодно вручается в Аахене за вклад в объединение Европы, но о которой мало кто знает. Здесь же статья «Европейский гимн». А кто

знает о существовании европейского гимна? Флаг Евросоюза знают все. А гимн?

В.А. Ляпин: «Ода к радости»... **Н.Н. Баранов:** Дальше...
«Совместное наследие». Не надо заги-

бать пальцы, наверное... Здесь есть «Микеланджело», «Мона Лиза», «Рембрант»... Пропускаем, пропускаем... «Ратуша», «Конные статуи», «Гомер» и «Троя», «Данте», «Шекспир», «Гёте», Толстой с «Войной и миром», «Девятая симфония» Бетховена, «Верди», «Шансон»... Но не русский... (Смех)

В.А. Ляпин: И, слава Богу... **Н.Н. Баранов:** Потом, вот, посмотрите, ... Мне показалось это

интересным... идут четыре статьи по религиозным столицам – «Рим», «Виттенберг», «Женева»... (ну, понятно, да?), «Третий Рим» и «Стамбул». А также в общеевропейское наследие входят «Университеты», «Кофейные дома» и «Пищерии».

«Основные свободы»... Здесь у меня, честно, извините... при всем уважении к специалистам по британской истории большое сомнение. Я не понимаю, как «Магна карта» может иметь значение общеевропейского места памяти?

«Толерантность». Пример: «Амстердам». Ну, да, наверное. А дальше, вот посмотрите – торжество гендерного подхода. Статья «Анна Франк» как пример основных европейских свобод. Свобода на что? Свобода на самовыражение и смерть? «Эмансипация женщин» – это Мария Склодовская-Кюри. И яркая представительница движения за равноправие женщин, подруга Сартра...

Несколько голосов: Симона де Бовуар!

Н.Н. Баранов: Вот, пятый раздел «Военный опыт и стремление к миру», который может вызвать реакцию на грани отторжения к концептуальным подходам этой группы авторов. Начинается со статьи «1348 год: европейская чума и еврейские погромы». «Война против меньшинств. Варфоломеевская ночь». Дальше. Кто-нибудь знает битву при Каленберге? Она же Лысая гора.

В.А. Ляпин: А... Это касается чешской независимости. Нет?

Н.Н. Баранов: Нет. Это под Веной в 1683 г., когда Я. Собесский пришел вместе с французами, саксонцами и турок прогнали... Потом «Битва народов» под Лейпцигом – это понятно. Потом, опять-таки, «Миссолонги». Ничего, наверное, не говорит, если не занимались биографическими подробностями Байрона... Греческий городок, символ антигултурецкого восстания, где сердце его до сих пор хранится. А потом – «Верден», «Герника», «Ковентри», «Аушвиц». Особая статья «Солдатские кладбища» символизирует инструментализацию войны на примере не стихийно возникшего, а целенаправленно создаваемого места воспоминания. В качестве выдающихся событий, связанных со

стремлением к организации длительного мира, представлены Вестфальский мир, Парижская мирная конференция 1919 г. и Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Нет Сталинграда! Хотя и географически город в Европе находится, и масштаб сражения был поистине европейский.

Далее – раздел «Метафоры, цитаты и девизы»: «Мыслью, следовательно, существую», триада Французской революции, «Европейский дом», «Граница по Уралу», «Балканы», «Концерт держав».

Третий том, он вообще смешной... Называется «Европа и мир». Я так понимаю, что у них контракт заканчивался, они туда скидали вообще что под руку попало. Опять-таки, «Основные понятия»: «Глобализация», «Экономические измерения глобализации», «Экспансия». «Концепты»... Я вот опять не понимаю, в чем разница между основными понятиями и концептами. «Ориентализм», «Расизм» и «Постколониализм»... И «Частные случаи»... Я посмотрел... ну, вот, интересные две статьи: «Колумб 1892» и «Колумб 1992» – как праздновали открытие Америки. Авторы статей приходят к совершенно обоснованным выводам: в конце XIX в. юбилей Колумба монополизировала Испания, которая пыталась напомнить миру о своем былом имперском величии и пыталась поиметь какие-то дивиденды. А в конце XX в. юбилей Колумба был полностью монополизирован Соединенными Штатами Америки.

Ну, и дальше: «Монтесума на европейской сцене», «Кунсткамеры», «Китайский ресторан» (как общеевропейское место памяти!), «Макс Вебер»... Конечно, «Че Гевара», «ЮНЕСКО».

И еще буквально два слова в контексте идентичности. 123 энциклопедические статьи, из них всего 4 – это места памяти, которые непосредственное отношение имеют к России. Это «Голстой», это «Москва – Третий Рим», это «Катынь»!

В.А. Ляпин: Ну как же без нее?

Н.Н. Баранов: Это «Граница по Уралу». Не большое место Россия занимает в концептуальных подходах авторов этого труда. Но это не единственная слабость. Потому что вот опять, по третьему тому «Европа и мир». Там три десятка статей. Из них почти половина посвящена разного рода транзитам и трансляциям между Европой и Америкой. Только одна единственная статья посвящена связям Европы с континентальным Востоком, а именно с Китаем. И то это «Китайский ресторан». (Смех)

Спасибо!

В.Н. Земцов: Очень интересно... По большому счету, мы понимаем, что, так сказать, любовь-то посторонняя у нас получается, безответная, я имею ввиду... Мы себя считаем европейцами, Европу любим, но Европа несколько иначе относится к нам. И мне все-таки

кажется, что не стоит на это слишком упираться и слишком из-за этого расстраиваться. Ну, так оно и есть. Спокойнее к этому нужно относиться. Иногда бывает, конечно, обидно, но это тут же пытаешься спрятать и говоришь себе: «Ну, ладно... Это их проблемы».

Вот, это их проблемы, и сейчас мы знаем, что проблемы Европы настолько тяжелы и настолько будут пролонгированы в будущее, что существует вообще вопрос о выживаемости европейской культуры. Очень жаль, если, конечно, европейская культура канет в лету.

Да, пожалуйста, Алена Александровна.

А.А. Постникова: Доклад Николая Николаевича навел меня на такие вот размышления... Конечно, образ прошлого, в любом случае, всегда формируется либо в рамках политической идентичности, либо национальной идентичности и, может быть, в рамках и той и другой. И сейчас, конечно, европейцы как раз пытаются в рамках политической идентичности создать какую-то свою единую историю, какие-то общие образы прошлого. Это мы прекрасно видим, например, применительно к Наполеоновской эпохе. История Наполеона переписывается, и акценты делаются на то, что вот, дескать, Наполеон стал прародителем Единой Европы, европейской интеграции. И здесь, конечно, интересно соотношение. Мне кажется, что основная часть образов прошлого создается под воздействием неких элементов политической идентичности, а уже потом становится символом национальной идентичности. Не случайно, что основные национальные мифы, скажем, о Жанне д'Арк... Или возьмем валлийские мифы, или немецкие... Они появляются в конце XVIII и на протяжении XIX в., когда европейцы активно искали некие символы, которые способствовали бы их объединению, формированию идентичности. И тот же образ Наполеона сначала появляется в рамках некоей политической идентичности французов, а потом становится национальным мифом благодаря деятельности Ш. де Голля. Мне кажется, что при обращении к истории Франции вообще очень сложно найти какие-то образы прошлого, которые сначала стали бы национальным мифом, а уже потом превратились бы в миф государственный, политический. Я думаю, что редким исключением является образ Жанны д'Арк, о котором здесь уже упоминали. Образ Жанны д'Арк изначально, после Столетней войны, активно функционирует в народной культуре. А государство обращается к этому мифу только в конце XIX в. Именно тогда начинают муссироваться различные легенды по поводу Жанны, и появляется республиканская «модель» Жанны д'Арк, потому что, дескать, она была близка к тому, что стали называть демократией, близка к народу. Но что удивительно, параллельно начинает существовать националистическая идея, «националистическая модель» Жанны д'Арк. Жанна, дескать, спасала

французов, она была за, так сказать, чистых галлов, а убили ее евреи. И Кошен тоже был евреем, и вообще-то это все был еврейский заговор.

Как дело обстоит сейчас? Миф о Жанне д'Арк на протяжении XX в. и применительно к современности... он как бы стал объектом культурной памяти: отмечают национальный праздник... Даже пленение Жанны д'Арк в Компьене... Владимир Николаевич рассказывал о том, что был на реконструкции этого события...

В.Н. Земцов: Да, это выглядело своеобразно... **А.А.**

Постникова: Но то, что касается политической идентичности и национальной идентичности... то мне кажется, что этот образ объединил и одно, и другое начало в деятельности националистических партий. Вначале – Аксьен франсез, потом – Национальный фронт, как эпохи Ле Пена-старшего, так сегодня и Марин Ле Пен... Они активно использовали и используют в своих речах такие лозунги, как «Жанна д'Арк – за Францию, за французов!»

Мне кажется, что это прекрасный пример того, как все-таки сначала этот образ способствовал национальной идентичности (кстати, многие французские историки склонны считать, что для французов понятие «нация» можно употреблять уже после Столетней войны...), а потом уже стал элементом политической идентичности. Что же касается других национальных исторических мифов, то мне кажется, что они чаще всего изначально создаются в рамках государственных структур, в связи со стремлением как-то ополитизировать историю.

В.Н. Земцов: Есть, наверное, примеры и противоположные... Я сразу вспомнил Ивана Сусанина. Очевидно, что легенды о нем ходили почти что изначально, но, конечно, активизировались только в XIX в., когда это было востребовано. И тогда...

В.А. Ляпин: У меня отец из тех мест...

В.Н. Земцов: Так это его предки! *(Смех)*

В.А. Ляпин: У меня отец из тех мест, и там этот, якобы миф, об Иване Сусанине – это жизнь. Там вот покажут, где... там вот 4 километра... Вот это сама память... Вот то *(В.Н. Земцову)*, о чем ты говорил в самом начале...

Н.Н. Баранов: А обратно-то выведут? *(Смех)*

В.А. Ляпин: А там сейчас тоже такие... вот уже бизнес делают...

В.Н. Земцов: Если поляки, говорят...

В.А. Ляпин: Там не поляки... **В.Н.**

Земцов: Понятно, что не поляки.

В.А. Ляпин: Это были украинцы, кстати говоря. Тогда можно было об украинцах тоже говорить. Банда во главе с атаманом с очень колоритным прозвищем Смага (смага это значит уголь) Чертинский,

вот. Это был очень смешанный по составу... В основном, это были запорожцы.

В.Н. Земцов: Основная проблема заключается в том, как рассказать о событии. Историки уже давно «бьются» над этим вопросом. Когда я слушаю Владимира Александровича, мне кажется, что так оно и было, потому что он умеет убедить.

В.А. Ляпин: Прекрасный пример в подтверждение этой мысли. Вот сувенирная ложечка, на которой изображена дружина Александра Невского, атакующая злодеев-рыцарей под бело-сине-красным флагом. Прелесть! Это демонстрирует современную потребность, основанную на невежестве. Проблема национальной самоидентификации возникает особенно остро у тех народов, которые исторически не имели своей государственности. К примеру, основа белорусского самосознания связана с тем, что они якобы разбили «москалей» в битве под Оршей в 1514 г. Этот день является государственным праздником Белоруссии!

Н.Н. Баранов: Владимир Александрович, формирование когнитивности невозможно без образа врага.

В.Н. Земцов: Друзья мои, давайте послушаем человека, который лучше всех нас знает Восток.

В.А. Кузьмин: В данном случае я буду рассуждать, скорее всего, европоцентристски. В ходе нашего разговора я так и не смог определиться с понятием «идентичность», потому что каждый до меня выступающий какой-то свой смысл вкладывал. Я сразу вспомнил Пивоварова Дмитрия Валентиновича, который будучи философом, предпочитал начинать дискуссию с того, чтобы определиться с понятиями.

Второй момент, на котором мне бы хотелось остановиться, связан с мифологией. Я бы разложил эти вещи на несколько составляющих. В первых, отношение к истории как к науке чисто политической. Зачастую, эта политизация зависит от первого лица государства. Это четко прослеживается, к примеру, в интерпретации Великой Отечественной войны. Был «сталинский» период, затем «хрущевский», когда Сталинградскую битву переименовали в битву на Волге. В «брежневский» период мы увидели новую трактовку, что судьба войны, конечно, решалась не в Сталинграде, а при обороне Кавказа. В «андроповский» период (тогда считалось, что Ю.В. Андропов был партизаном) стали преувеличивать роль партизан, при К.У. Черненко – погранвойск. При М.С. Горбачеве об истории войны стали говорить как о части Второй мировой войны (впервые появились факты, свидетельствующие о помощи союзников). Сейчас же наблюдаются консервативные тенденции отката назад в оценках войны к сталинским временам (меньше вспоминать о жертвах, в основном, о подвигах). Получается, что, с точки зрения С.Е. Нарышкина, мифы должны существо-

вать. Конечно, это к истории не относится. Историк отбирает факты, источники. Иногда историю путают с историософией. Предметное поле этой науки совершенно иное. К примеру, В.В. Скоробогатский, приверженец такой историософии, игнорирует источники, опираясь на широкий концепт. Другой пример: В. Резун своими книгами пытался вызвать дискуссию вокруг проблем войны. Однако научного обсуждения не получилось из-за ограниченности источниковой базы. Нужно стремиться к истине совместными усилиями всех государств (были попытки совместных публикаций сборников документов: русско-польские, российско-израильские и т.д.). К сожалению, это единичные попытки, что свидетельствует о том, насколько сложно достичь единой модели изложения мировой истории.

В.Н. Земцов: Уважаемые друзья, давайте мы установим некий порядок, потому что каждый из присутствующих желает высказаться. Я знаю, что у нас есть два небольших сообщения о том, как реально валлийцы конструировали свою идентичность. Пожалуйста, Надежда Федоровна.

Н.Ф. Шестакова: Я хотела бы поговорить о национальной идентичности валлийцев конца XV – начала XX в. Следует сказать, что в конце XVIII в. у валлийцев произошел кризис национальной идентичности, который был обусловлен рядом причин, среди которых следует отметить процессы урбанизации и индустриализации данного региона, что способствовало исчезновению традиций, ускорению англолизации общества. Свою роль сыграла политика английских властей, направленная на стирание национальных особенностей валлийцев и создание единой британской нации. Рубеж XVIII-XIX вв. был довольно парадоксальным периодом в истории Уэльса, поскольку, с одной стороны, обозначился кризис национальной идентичности, с другой – наблюдалось усиление интереса валлийцев к своей собственной истории. Они занялись мифотворчеством применительно к своей собственной истории, изобретая новые традиции, создавая новых героев, новые символы. В основу исторической памяти валлийцев в конце XVIII-начале XIX вв. легли образы, связанные с кельтским прошлым: друидизм, кельтские принцы, которые боролись с захватчиками. В результате были созданы новые традиции. Одной из таких традиций становится церемония Горседа. Вновь появился музыкальный фестиваль «Айстетвод». Появляются новые мифы, в частности, возник миф о том, что Мэдок, принц XII в., открыл Америку. Этот миф был создан на основе документов, которые сфальсифицировал Й. Моргануг. Таким образом, путем мифотворчества валлийские патриоты смогли придать Уэльсу своего рода романтический образ.

В.Н. Земцов: Однако эти традиции стали общеевропейскими. Это парадокс, когда национальный элемент становится общеевропей-

ским. О том, что сегодня происходит с национальной идентичностью в Уэльсе, расскажет Александра Алексеевна.

А.А. Нечаева: Название доклада я условно определила как «Валлийская идентичность в XX веке: проблемы переосмысления». На мой взгляд, современная валлийская идентичность сформировалась в послевоенное время. После Второй мировой войны наступил постколониальный период Британской империи, что привело к возрождению региональной идентичности. В плане валлийской идентичности... до 1955 г. некоторые писатели отмечали, что нет никакого настоящего, никакого будущего в Уэльсе, есть только прошлое. Однако историки переосмыслили прошлое и предложили иной вариант трактовки истории. Потом этот вариант перешел в учебники и учебные программы. В 1960-е гг. в учебных планах впервые вводится понятие «валлийская история». До этого времени история была только английской. Следует отметить, что валлийскую идентичность в XX в. невозможно рассматривать вне контекста валлийского национализма. В 1970-е гг. обратили внимание на то, что язык как основа валлийской идентичности становится непопулярным. В 1979 г. был проведен референдум по автономии Шотландии и Уэльса. К сожалению, он был провальным. Поэтому публицисты и историки вновь начинают переосмысливать валлийское прошлое. В конце 1980-х гг. среди молодежи становится популярной валлийская история. На уровне Министерства по делам Уэльса впервые масштабно начинают пропагандировать прошлое Уэльса: выходят фильмы, книги для широкой публики. В конце 1980-х гг. в большей степени стали обращаться к проблемам европейской идентичности, т.е. Уэльс стали рассматривать как часть Европы. В конце 1990-х гг. наступает новая волна поиска валлийской идентичности. На данном этапе символы валлийской идентичности используются для туристов. Хотелось бы заметить, что это искусственное образование.

И.Я. Мурзина: Вопрос о историософском взгляде на идентичность мне очень близок. Историк любит взять источник, повесить его в рамочку и молиться на него. Возникает две проблемы, с которыми мы очень остро сталкиваемся. Одна проблема связана с критикой источника (и эта проблема не фиксируется в общественном сознании). Вторая проблема связана с мифами и их значениями для конструирования идентичности.

Вопрос об исторической памяти и идентичности валлийцев хорошо отражен в одном ирландском фильме. Один из персонажей картины спрашивает главного героя: «Что случилось с твоим отцом? Он умер или того хуже, уехал в Лондон?». *(Смех)*

Когда мы говорим о необходимости конструирования идентичности, я согласна с тезисом, что XX век – это время конструирования

идентичности, но я все время задаю себе вопрос: «Зачем это нужно?». Если мы конструируем мифы, то мы решаем конкретную личностную проблему, в том числе проблему поиска себя. Конструирование мифа – это желание индивида связать себя с каким-то великим, прекрасным событием и тем самым противопоставить чему-то низменному и незначительному. Так мы боремся со страхом будущего – гарантируя себе процветание и как бы обеспечивая покровительство светлого и героического прошлого. В связи с этим часто сталкиваешься с вопросом конструирования идентичности (особенно в педагогической деятельности). Мне как не-историку пришлось конструировать идентичности. Это был комичный опыт, но показательный. Почему? Потому что люди, утратившие свою культурную идентичность, как например, оренбургские казаки в Екатеринбург (откуда они возьмутся на Среднем Урале?), ищут какое-либо духовное основание, на котором можно построить свою идентичность, формировать и задавать вектор для воспитания детей. И на этом моменте комичность заканчивается, потому что вопрос идентичности – это вопрос будущего. Каким мы хотим воспитать следующее поколение? (Я лично считаю, что педагогика – это конструирование идентичности и не более того). Историческое образование, и социально-гуманитарное образование в целом, должно лежать в основе образования вообще. Однако возникает вопрос: до какого предела мы должны доходить в конструировании? Где предел нашей фантазии? В этой связи есть еще один личный пример. Как-то я попала в Углич, но попала не совсем вовремя – хотя соответствующие плакаты еще висели... Отмечался праздник «День царевича Димитрия»... И мне стало очень интересно – а что же празднуется? На плакате был изображен царевич Дмитрий с известным атрибутом – ножом. Выглядело странно... (Смех) Я не знаю, как они позиционируют свою идентичность...

Л.И. Забара: На аспирантском семинаре мы разбирали специфику исторического в рамках социального познания. И сегодня в начале разговора об историческом знании первая тема, которая должна была бы быть определена в философском аспекте – это историческое сознание и его специфика. Когда мы говорим о вхождении исторического сознания в повседневность, то надо понимать, что существуют различные уровни этого сознания. Есть обыденное сознание (и от этого никуда не деться) и критическое (куда мы и отнесем историческое). И часто на обыденное сознание идет воздействие с уровня критического сознания (транслируется преподавателем, и т.д.). Тогда получается, что когда мы говорим о месте исторического сознания в структуре общественного сознания, то все, казалось бы, становится ясным... Есть взаимосвязь форм сознания: политического, правового, исторического... И это сплетение и дает нам столько противоречий (в том числе и

противоречивых характеристик) в суждениях о развитии историческо-го сознания, о которых мы сегодня и говорим. Еще один важный во-прос – методология познания. Очевидно, что наличие таких понятий, как образ, конструкты и прочее говорит о том, что универсальный ме-тод – это метод идеализации, теоретического конструирования. Находя предмет исследования, мы конструируем его и ведем наше исследова-ние к некоторой истине, которая кажется нам наиболее вероятной и адекватной. При этом мы понимаем, что предметно-субъектное взаи-модействие привносит субъективность в исследование, и, следова-тельно, то знание, которое мы получили, не может быть абсолютно верным и универсальным. Еще один важный момент – интерпретация. Есть множество хороших работ, посвященных герменевтике... и нам понятно, что когда мы интерпретируем историческое понятие/событие, то мы имеем дело и со спецификой субъекта, и предмета, и со специ-фичными знаками, текстом и источниками, с которыми мы работаем. Поэтому вопрос о том, как на уровне понимания это интерпретировать

– это уже искусство исследователя. Интереснее всего доводить до слушателя смысл современного мифологизированного исторического познания, с которым мы сегодня имеем дело. Резюмируя все вышеска-занное, отмечу: идентичность понятие многослойное и многоплановое. Поэтому я считаю, что исследования идентичности должны также быть разноплановыми: нужно рассматривать это явление с разных ас-пектов и с использованием разных методов. Исследования должны быть комплексными и междисциплинарными. Историки, филологи, философы должны объединить усилия и работать над исследованиями идентичности вместе.

В.Н. Земцов: Людмила Ивановна, в сущности, сказала, что в це-лом все уже понятно... но для меня идентичность – явление далеко не полностью исследованное. Предложение Людмилы Ивановны инте-ресное, оно требует рабочего и технического обсуждения, поскольку наш терминологический аппарат разный. Кроме того, надо понять, насколько реально сегодня получить грант по той тематике которой мы занимаемся – мифом, по сути. Это к вопросу, поднятому Ириной Яковлевной. Ирина Яковлевна рассуждала на тему, зачем мы конст-руируем мифы. Как вы уже поняли и почувствовали, побудительные мотивы есть разные: первый мотив – боремся за гранты, второй – при-способливаемся к политической конъюнктуре, что связано не столько со стремлением получить, сколько приобрести «политический капи-тал», третий – это естественное стремление познать, стремление к исти-не. Мне кажется, что эти три обстоятельства являются определяю-щими, но их соотношение между собой может меняться.

М.В. Шистеров: Людмила Ивановна правильно указала сейчас на тот неустранимый элемент субъективности, который всегда суще-

ствуем, потому что, работая с источником, мы сначала реконструируем «факты», а потом изучаем их как объективную реальность. В этом и была, пожалуй, самая главная проблема позитивистских методов изучения источника.

К вопросу о конструировании мифа, идентичности и причинах необходимости такого конструирования: иногда возникает потребность воссоздавать миф как некоторое символическое пространство, которое формируется посредством знаков, текстов и т.д. (то есть семантически реконструировать все то, что уже отсутствует в повседневной реальности). Например, в последнее десятилетие в зарубежной историографии выходит достаточно большое количество монографий и публикаций, посвященных процессам романизации в эпоху Римской империи (изобретен концепт «римскости» (Roman-ness) и многие другие), и о том, как римская идентичность создавалась в провинциях империи: Испании, Британии, Африке. При этом основной акцент делается на том, что привитие идентичности осуществлялось путем создания объектов материальной культуры, которые воспроизводили определенные социальные формы поведения, и за счет этого шло приобщение к тому, что это такое – быть римлянином. Возвращаясь к современности, можно отметить подобные процессы: когда материальная культура разрушается, возникает потребность фиксировать ее текстуально и таким образом создавать заново. Ирина Яковлевна говорила, что XX век – это век конструирования идентичностей, но я хочу заметить, что человек всегда конструировал их. XX век – это период, когда данное явление было отрефлексовано. Отсюда следует то, о чем говорила уже Александра Алексеевна – теперь искусственно конструируемая идентичность продается в современном мире.

Д.Н. Каравасва: Антропологический подход к исследованию идентичности отличается от исторического подхода. Так, например, антропологи уверены в необходимости полевых работ, особенно если нет возможности интервьюировать респондента (своего рода источника, носителя культуры) относительно тех или иных вопросов, касающихся идентичности. Если такие методы не были применены, исследование считается не состоявшимся. Использование различных подходов призвано обогатить исследование, расширить возможности исследователя. Если говорить о том, какое понимание идентичности сейчас бытует в российской науке, то сейчас идентичность чаще всего определяют как представление о прошлом, настоящем и будущем индивида или группы людей. С моей точки зрения, идентичность – явление, которое определяется в нескольких научных плоскостях, и историк может изучать только одну из этих парадигм. В качестве примера я могу привести свое исследование. Оно посвящено англичанам в современной Британии, хронологические рамки работы – с конца 80-х гг.

XX в. и до сегодняшнего времени. В своей работе я рассматривала идентичность как синоним гражданственности. В данном контексте я исследовала исторические представления людей о самих себе, а также современные представления о географии, культуре и других аспектах идентичности, с которыми сталкивается каждый англичанин. На основании полученных данных можно говорить о конструировании идентичности. Если говорить об исследованиях сугубо исторических, то я считаю, что историку лучше оставаться в своей плоскости и использовать историческую методологию. В противном случае его позиция рискует стать уязвимой.

В.Н. Земцов: Сейчас я предлагаю перейти к проблемам идентичности на Востоке, так как это тоже очень серьезный пласт исследований и замыкаться на европейских, а, тем более, российских представлениях об идентичности было бы неразумно.

С.В. Смирнов: Во-первых, начать нужно с того, что само понятие «Восток» – это конструкт, который к Востоку никакого отношения не имеет. Это понятие сконструировано европейцами, исходя из потребностей европейцев в колониальный период, т.к. концепция сложилась в XVII-XVIII вв., и имеет мало отношения к идентичностям ази-атским. Если рассматривать идентичность как конструкт политический и региональный – то такие идентичности проявляются в Азии очень поздно – XIX век, вторая его половина. До этого времени очень сложно что-либо отследить. Рассмотрим вопрос на примере Китая. В Китае традиционная идентичность, которая всегда существовала и существует сегодня, но уже в ослабленном виде – это идентичность семейно-родовая, семейно-клановая, которая была базовой идентичностью. То есть понятие идентичности как единого народа в Китае не существовало. Китайцы отличали себя по региональному признаку, и это проявляется уже в источниках I в. н.э. Так, разные провинции высмеивали своих соседей и более отдаленные области; сохранилась масса анекдотов и историй. Единственное, что их объединяло – это императорская власть. При этом не существовало идентификации себя с властью. Однозначно, что власть могла влиять на общество и никак не наоборот. Таким образом, политическая и национальная «идентичность» проявляется в Китае уже под европейским воздействием. Традиционно в китайском языке даже не существовало понятий, синонимичных тем, которыми европейцы выражают идентичность. И китайцам приходилось изобретать понятия, используя существующие термины. Надо отметить, что эти процессы происходили только в узком слое интел-лектуальной элиты. Эти процессы охватили более широкие слои населения под влиянием событий XX века – именно тогда впервые начал формироваться национализм под влиянием фигуры Сунь Ятсена, но, правда, в таком варианте он не утвердился. На смену идеологии Сунь

Ятсена пришла коммунистическая партия, для которой сам термин «национализм» был термином ругательным. Коммунистическая доктрина не воспринимает национализм. И сегодня эти понятия уживаются не очень хорошо. Зато с политической идентичностью все проще – в современном Китае это ассоциация себя с той страной, которая строит социализм, с единым народным фронтом. Еще один интересный аспект, который надо осветить – это идентичность глобальная, которую Китай представляет на международном рынке. Китай на международной арене позиционирует себя определенным образом – используя «конфуцианский миф». «Конфуцианский миф» начинает формироваться за пределами Китая. Идеологию Конфуция приняли и интерпретировали европейские иезуиты, которые с XVI в. начинают проникать в Китай. Именно иезуиты сформировали в Европе ранний образ Китая, придав исключительное значение конфуцианству как религии ученых. Они, во-первых, назвали это учение религией (что никогда не практиковалось в самом Китае), а, во-вторых, выделили особый слой общества, который является хранителем традиций. Позднее европейские либертины будут использовать конфуцианство для борьбы со «старым порядком», показывая что «конфуцианство» – это та модель, на которую нужно ориентироваться, которую нужно внедрять в сознание элит. Китай имел позитивный образ, образ страны-носителя передового учения, чей опыт нужно перенимать. Китай стал ассоциироваться с неким конфуцианским царством, хотя никогда таковым не был. Эта линия была продолжена уже без религиозной составляющей в XX в., особенно в конце XX в. Когда исследователи стали обращаться к региону, наблюдая невероятные темпы развития, которые демонстрировали в то время азиатские страны (причем идеологические причины такого развития связывались не с опорой на европейские ценности, а на свою собственную культуру), появились такие явления, как «конфуцианский капитализм», «конфуцианская демократия». Последние лет 20 «конфуцианский миф» стали использовать как инструмент продвижения. Так концепт, сформированный извне, был адаптирован, отредактирован и использован в нужном направлении. Конфуцианство воссоздали после того, как Мао Цзэдун объявил учение «религией отсталых» и принялся за его уничтожение. Снесли все, камня на камне не оставили. Но, к чести китайцев, надо сказать, что в конце XX в. все воссоздали – начали создаваться целые институты, проводить множество исследований, получались гранты. Сейчас «Институты Конфуция» действуют по всему миру, реализуя этот миф и позиционируя Китай с нужной государству стороны.

В.А. Кузьмин: Нужно отметить, что в Китае профессия историк и история как науки не могут существовать по определению. Есть только государственный заказ.

С.В. Смирнов: История всегда была тесно связана с государством, она была частью административной структуры. Все хроники ориентированы на политические события, государство. Свободный историк появляется в Китае как явление в эпоху Мин и тогда же и исчезает.

В.А. Кузьмин: Сергей Викторович глубоко осветил тему, я со многими вещами согласен. Конечно, концепт ориентализма пришел с Запада. Я лично увидел это на таком примере: бывая неоднократно в Китае, я сталкивался с непониманием, когда говорил, что я с кафедры востоковедения. Они (китайцы) воспринимают меня как американиста. Потому что если из Китая посмотреть на восток – то там США. Для них Китай это не восток, для них это центр. У них очень интересные карты, очень интересная проекция мира. Россия отодвинута далеко на север, центр – это Китай, обе Америки периферийной дугой огибают океан. Сейчас я хочу обратиться к работам И.М. Царицына, известного япониста, к сожалению, ныне покойного. Он говорил так: «Довоенный японский национализм имел религиозную основу, послевоенный – экономическую». Экономический рост 50-60-х гг. сформировал современную националистическую позицию японцев, самоидентификацию. То есть они уже гордятся не тем, что они потомки богов, а тем, что, прежде всего, Япония – это производитель самой качественной, конкурентоспособной продукции. К слову, современное китайское общество сейчас переживает похожее явление. Мы сейчас наблюдаем у студентов из Китая чувство гордости за тот экономический подъем, который произошел в стране. Конечно же, для них важна и культурная составляющая – возрождение конфуцианства.

В США в каждом штате проживает примерно 11 млн человек, это 50 штатов – 500 млн. Наша Россия, как мы видим, не доминирует в приоритетах, даже в рамках этой политики Конфуция. Основное внимание уделяется Европе, США, потому что «их» гораздо больше, а мы в их глазах очень маленькое место занимаем, и то не без труда это место заняли... Сейчас вот у нас происходит «разворот на Восток»... Наше правительство делает «поворот» на Восток, поскольку Запад... Но вот Сергей Викторович это прекрасно знает, как тяжело это шло, потому что поначалу говорили: «Нет-нет, давайте лучше —их| ограничим, а лучше —их| вообще пусть не будет...»

Другой регион еще хочу затронуть. Оттолкнемся от того, что, в принципе, современный Восток (а наши в широком смысле Восток понимают как Азия и Африка)... Мне вот очень понравилось, как Николай Николаевич сказал про Брест... Вот он поймал... Брест, да не тот Брест... От Атлантики до Урала говорили, а некоторые говорят до Владивостока. Если в этой концепции мы – не Восток, то мы тоже часть Большого Запада, от Атлантики до Владивостока. Брест этот известный... А если брать классическое понимание Востока, то это –

Азия и Африка. И где мы имеем больше всего нестабильности, всякие конфликты? Это здесь. И причем эти конфликты, очень многие, как раз на национальной основе. Сепаратизм колоссальный! Одни племена режут других, геноцид массовый: то в Бурунди, то в Руанде, то еще где-то вырезают много людей. Многолетний конфликт на Шри-Ланке между сингалами и тамилами, сепаратистские движения в Индии, сепаратизм еще где-то... можно перечислять и перечислять. Поэтому не национальность, но великоханьский национализм, конечно, есть. Чувство того, что среди 1,5 млрд китайцев ханьцы все-таки составляют большинство.

В.А. Ляпин: Так вот он сначала гуандунец или ханец?

В.А. Кузьмин: Между собой они там подшучивают: «Так он же шаньдунец, что там с него возьмешь». Как и у нас: «Ты с Урала». (Смех) Примерно такое там все это есть, анекдоты, подшучивание, иногда часто подчеркивают, что он из такой-то провинции. Но что выступает как консолидирующий момент? Конфуцианство ведь в Китае отчасти имеет религиозный смысловой аспект, и многое в других странах имеет религиозную основу. И японцы при всей многогранности, в массе своей моноэтничны. Японцы – одна из самых моноэтничных общностей. Вот тут национальность, пожалуй, на переднем плане. У них есть меньшинства, корейцев больше всего, исторически так сложилось. Да, внутри японского общества... И у меня студенты этот факт подтверждают; они иногда видят это, когда сидят со студентами вместе и видят, что в группе 20 японок и 2 кореянки, и вот эти две кореянки в этом маленьком социуме выступают как люди второго сорта. И отношение сокурсниц к ним, и преподавателей... Их меньше спрашивают, меньше обращаются к ним. Вот есть такое, да.

Еще во времена Туркестана там никто не интересовался – таджик, узбек ли. Главное, когда его спросят: «Ты кто?», он ответит: «Я – мусульманин». А все остальное было вторично. Приведу такой пример. Вчера у меня были гости из Иранского культурного центра. Состоялся хороший разговор, говорили об образовательных программах и т.д. Мой гость хотел подчеркнуть, что Россию и Иран многое сближает. Проводил параллели. Россия – защитница, главная православная держава, все православные народы, и не важно, живущие в ней или за ее пределами, тяготеют к России.

В.А. Ляпин: В том числе и иранцы...

В.А. Кузьмин: Нет. А иранцы...

В.Н. Земцов: Шииты.

В.А. Кузьмин: Совершенно верно, Владимир Николаевич. Не все мусульмане, а шииты. Иран позиционируется как некий покровитель всех мусульман-шиитов, и в Ливане, и в Йемене. Если мы возьмем другую плоскость, не религиозную, мы сразу увидим, что и Си-

рия, и сам Иран, и Ирак – они далеко не однородные. Сирия, Сирийская Арабская республика... Сейчас мы видим и слышим, кого там только нет – туркоманы, курды... В Ираке – то же самое – и курды, и арабы разных направлений. Отсюда, все проекты, которые предлагались, и не важно, какую «начинку» дают... но попытка объединить арабов ничего не дала. Они раскололись в далекие средние века. У них есть собственная идентичность внутри страны. И этих примеров можно приводить массу. Но я бы отметил, завершая, что в данном случае идентичность носит, прежде всего, религиозный характер.

В.А. Ляпин: Хотелось бы продолжить. Христиане в понятии «Восток». Каково их место?

С.В. Смирнов: В каком понятии «Восток»? Восток вообще или...

В.А. Ляпин: Восток вообще. Возьмем Восток вообще. Значит, живут там христиане. Я прочитал у одного автора, что Россия – несомненно, европейская держава, потому что мы – христиане. Ну, прости-те, а если мы эфиопы? Они что, европейцы?

Конкурс «Евровидение»... в Баку. Оказывается, Баку – это Европа. Значит... армяне и азербайджанцы друг друга ненавидят, и те, и другие хотят страшно в Европу, грузины – тоже... У кого-то, у О.Э. Мандельштама, по-моему, Сталин назван азиатом в одном из стихотворений. Он – грузин, значит, он – азиат. Грузины кем себя позиционируют, все же?

В.А. Кузьмин: Европейцами.

В.А. Ляпин: Вот! И граница Европы и Азии проходит не по Кумо-Манычской впадине, как я усвоил со школы, а оказывается, уже по бывшей границе СССР, т.е. Грузия, Армения, Азербайджан, оказывается, это – Европа. Также как Израиль и Кипр, они тоже Европа, тоже в «Евровидении» участвуют.

В.А. Кузьмин: Подтверждая эту мысль, дополню ее словами одного из наших бывших министров иностранных дел. Когда был внутренний затяжной конфликт в Таджикистане, и там шла довольно длительная война, в которую пришлось и нам вмешиваться (это во времена А.В. Козырева было), он тогда сказал, что политически граница между Европой и Азией проходит по афгано-таджикской границе, потому что, скажем, там происходит противодействие боевикам, проникающим через Афганистан на эту территорию, и это защита тех общих ценностей, которые разделяет Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Отсюда и армяне, и азербайджанцы, и грузины – все вот, как бы, европейцы.

В.А. Ляпин: С другой стороны, калмыки, которые живут в Европе географически, они относятся к европейскому миру? Или, допустим, казанские татары, они тоже европейцы?

В.Н. Земцов: По большому счету, граница между Европой и Азией проходит, конечно, в головах у людей, в их самоощущении – кто они такие. Тут трудно четко границу провести и даже фактически невозможно. Я напоминаю, что ментальная география легко эти границы передвигает.

Я все-таки хотел бы, чтобы мы дали возможность выступить двум нашим студентам. Вика Железняк, пожалуйста.

В.М. Железняк: Я бы хотела поделиться своими размышлениями и результатами, к которым я прихожу в ходе работы над ВКР. Я занимаюсь рассмотрением образов эпохи наполеоновских войн в современном образовательном пространстве, и трактую его, это пространство, достаточно широко, в том числе я включаю сюда и медиапространство – видеоролики, фильмы, рекламу и т.д., а также учебную литературу, музейные экспозиции.

Как мне кажется, эпоха наполеоновских войн, с одной стороны, тема транснациональная, т.е. к ней постоянно обращаются, она актуализируется, в том числе обращаются и в государствах, которые не принимали непосредственного или активного участия в этом конфликте. Когда я искала информацию о рекламе, которая так или иначе отражает события эпохи, я обнаружила, что очень много рекламы о наполеоновских войнах в США, Канаде, Бразилии, Китае, Ливане, ЮАР... Таким образом, с одной стороны, тема транснациональная, наднациональная, но с другой стороны, это, все-таки, тема национальная, в том плане, что страны-участницы, которые были задействованы в этих конфликтах, имеют свой образ тех событий. Этот образ начал складываться уже, наверное, в ходе этих войн, и после них тоже очень активно формировался, и сейчас продолжает формироваться. И сегодня, наверное, в большей степени это можно проследить именно в медиапространстве.

Алёна Александровна в отношении Франции отметила, что Столетняя война выступила как основа пробуждения, объединения, консолидации нации. На мой взгляд, эпоха наполеоновских войн тоже в этом плане способствовала консолидации отдельных наций. Британской нации, например. Об этом пишут разные авторы, и британская литература очень этому способствовала.

В.Н. Земцов: И особенно консолидации русских, наверное?

В.М. Железняк: Да. Мне бы хотелось подробнее остановиться на образе России в российском образовательном пространстве и в образовательном пространстве Великобритании. В первую очередь я хотела бы сказать о медиапространстве. Самый яркий и, может быть, необычный образ эпохи у нас демонстрируется в рекламе. И вот здесь (хотя, конечно, это наблюдается не только в рекламе, но и в других сегментах медиапространства) наблюдается такая тенденция. Во-

первых, у нас, конечно же, больше всего внимания уделяется войне 1812 г. Эта война зачастую сводится к противостоянию Наполеона и Кутузова, и это отражается в сюжетах, которые выбираются для тех или иных сегментов медиапространства. Очень примечательна в этом плане реклама. Например, в 2010 г. в рекламе сухариков «Хрустим» события сводятся к противостоянию Наполеона и Кутузова. Наполеон – маленький человечек, традиционные черты, знаменитая шляпа... Кутузов – воин, может быть даже былинный, могучий, большой, по сравнению с Наполеоном, представительный...

В.Н. Земцов: Он с одним глазом или с двумя?

В.М. Железняк: С одним, с одним. *(Смех)*

В.Н. Земцов: Как и положено. Иначе не Кутузов.

В.М. Железняк: Да, как положено. Наполеон сначала кидает багетом в Кутузова, и тот его съедает на раз-два. Потом Наполеон еще какой-то едой кидает, и Кутузов все уничтожает мгновенно. Самый забавный момент в этой рекламе такой: Наполеон со словами «Круасан!» заряжает пушку и стреляет по Кутузову, но тот и это съедает. А далее появляется сам Господь с «Хрустом», и тогда вначале одна часть французской армии падает, затем другая часть армии падает и, наконец, Эйфелева башня падает... Я это к тому, что у нас в России главные герои эпохи – М.И. Кутузов...

С.В. Смирнов: Нет, Наполеон!

В.М. Железняк: И Наполеон, да, тоже. Его образ активно, как мы знаем, и в фильмах эксплуатируется. А события – это события эпохи 1812 г.

В Британии, например, ключевыми личностями являются национальные лидеры – Горацио Нельсон, герцог Веллингтон (Артур Уэлсли), и события – сражение при Трафальгаре, войны на Иберийском полуострове, Ватерлоо. Причем, все эти события – это ступени разгрома Наполеона, т.е. британцы начали разгром Наполеона при Трафальгаре, а завершили при Ватерлоо. Они свою роль в этих событиях разгрома Наполеона воспринимают как ключевую. У нас считается, что мы, русские, французов погнали из государства нашего, и это было главное... Вот тут очень это на контрасте...

Недавно читала статью берлинского исследователя Л. Петерсона; он занимается изучением англоязычных романов, написанных и изданных с 1815 по 1945 гг. И там всего наполеоновской эпохе было посвящено, насколько я помню, 534 романа, из них 21 роман – о кампании 1812 г. Хотя англичане в ней непосредственного участия не принимали, эта кампания, так или иначе, нашла отражение в исторической памяти британцев.

Наверное, буду подводить итоги своему выступлению, потому что, насколько знаю, что еще Влад готовил интересное выступление по

религиозным войнам. В том, что рассказывается о наполеоновских войнах, в том, как трактует эти события каждая нация, есть что-то специфическое. В каждой стране сложился свой образ этих событий, что было предопределено, наверное, как раз особенностями идентичности национальной. Мне кажется, что это связано как раз с национальной идентичностью.

В.Н. Земцов: Я не могу, конечно, не высказать несколько соображений. Я же, все-таки, тоже должен выступить. Со своим, как говорится, сообщением, помимо вступительного слова. Буду краток. На последней конференции на Корсике летом этого года я с удивлением обнаружил, что в ней принимает участие один японец, один китаец. Первоначально, конечно, организаторы размышляли, о чем они, китайцы и японцы, могут сказать о П. Паоли, о Наполеоне, о проблеме корсиканской независимости. Оказывается (так это надо было, конечно, и предполагать!), что у китайцев есть «свой» Наполеон, который весьма активно используется в рекламе и бог знает где еще... У японцев тоже есть «свой» Наполеон. Они, китайцы и японцы, отсылали к целому ряду романов, написанных, так или иначе, на сюжеты о наполеоновских войнах.

В.А. Кузьмин: У персов тоже он есть. Я недавно читал роман, называется «Дядечка Наполеон». Герой романа, как к кумиру своему, все время апеллирует к тому Наполеону, которым Вы занимаетесь.
(Смех)

В.Н. Земцов: В общем, фигура Наполеона сегодня объединяет всех. Это – общемировое достояние, и это я не устаю всегда подчеркивать.

А.А. Постникова: Разрешите мне обратиться к вопросу о национальных героях как некоему фактору национальной идентичности. Своего рода дополнение к сообщению Вики Железняк. Если посмотреть на русскую рекламу образа Наполеона, то у нас, в основном, делается акцент, так или иначе, на победу над Наполеоном. Если же посмотреть на французскую и английскую рекламу, то там преобладает некая самоирония – как в рекламе, так и в фильмах. Кстати, во французской рекламе постоянно затрагивается тема Ватерлоо. Казалось бы, французы его проиграли, но они постоянно пытаются каким-то образом, хотя бы в рамках рекламы, оправдать проигрыш сражения Наполеоном. В английских фильмах мы также видим самоиронию, а отнюдь не какой-то победный контекст. К примеру, в фильме, где Дэвид Суше снялся в роли Наполеона, и где он бегал в женском платье...

В.Н. Земцов: Фильм называется «Саботаж».

А.А. Постникова: «Саботаж», да. Там вот как раз хорошо чувствуется самоирония, и там тоже центральное событие – это Ватерлоо.

В.М. Железняк: Это своего рода оправдание. Попытка оправдаться.

А.А. Постникова: Да, может быть.

В.Н. Земцов: Но французы, по сути, отказались отмечать как Аустерлиц, так и Ватерлоо. И вообще-то, Наполеон и сам исчезает из школьных учебников... Я возмущен! *(Смех)*

С.В. Смирнов: В рамках Европы это не толерантно... **В.Н.**

Земцов: Ничего, скоро вспомнят и о Наполеоне, и о...

Влад, пожалуйста, у Вас тоже было сообщение.

В.В. Ковин: Я бы хотел рассказать о религиозных войнах и Варфоломеевской ночи в контексте... даже уже не формирования, а сохранения и борьбы за идентичность Франции. Сегодня, как все знают, остро встал вопрос, связанный с миграцией арабского населения во Францию, и это вызывает очень много проблем, в том числе и проблеме растворения национальной идентичности. Наверное, катализатором этой борьбы стали теракты 2015 г. – это теракт 7 января 2015 г. в отношении «Шарли Эбдо» и ряд терактов 13 ноября 2015 г. в Париже, когда погибло более 130 человек. В процессе осмысления этой трагедии в прессе (а я рассматривал, в основном, материалы прессы) появилось огромное количество отсылок к Варфоломеевской ночи и к религиозным войнам, как к образу и символу чего-то кровавого, фанатичного. Этот образ сформировался еще где-то примерно в середине XIX-го в. Так этот образ, надо сказать, сезонно появляется во Франции, когда происходят какие-то кровавые события. И вот буквально на днях, 13 апреля 2016 г., была открыта мемориальная доска, посвященная жертвам Варфоломеевской ночи.

В.А. Кузьмин: Перечислили всех поименно. *(Смех)*

А.А. Постникова: Долго же они об этом думали.

В.В. Ковин: И надо сказать, что дата эта не случайна – 13 апреля 1598 г. Генрихом IV был принят Нантский эдикт. Это воспринимается как символ единства католиков и протестантов, символ единства нации, и в этом смысле подобное сейчас воспринимается как единство нации, дабы нация не растворилась.

Также стоит сказать, что и культура вносит свою лепту... Например, на сцене Театра Капитолия в Тулузе в 2015 г. был показ спектакля «Резня» Людовика Лагарда, где, в общем-то, тоже делается акцент на современную историю, в основном, на борьбу с религиозным фанатизмом и на его осмыслении.

Возродилась опера Джакомо Майербера «Гугеноты», которая была поставлена еще в 1836 г. Я нашел заголовки прессы в связи с анонсом этой оперы. Сегодня статьи о ней выходят под такими заголовками, как, например, «Гугеноты против религиозного фундаментализма»...

Также буквально недавно вышла книга известного специалиста по религиозным войнам и вообще специалиста по XVI веку Дени Крузе в соавторстве с Жаном-Мари Люкалем (она не переведена еще на русский язык, потому что была написана непосредственно под впечатлением терактов в Париже...). Я перевел ее название так: «Риск религиозных войн». Это примерный перевод... Она была презентована только 15 марта 2016 г., т.е. совсем недавно. В этой книге тоже есть отсылки к религиозным войнам XVI-го в. и то, как они трансформировались сегодня. Сегодня эти войны авторы называют религиозными войнами нового формата.

В.Н. Земцов: Спасибо. То, что Вы сказали, конечно, очень важно, в том плане, что мы, историки, оказывается, все же востребованы. Ведь даже то, что мы рассказываем о Варфоломеевской ночи, весьма и весьма актуально, и одновременно Варфоломеевская ночь, оказывается, сплачивает европейские народы. Это забавно, особенно открытие вот этой мемориальной доски.

Друзья мои, я хочу наше высокое собрание, все-таки, сориентировать на завершение дискуссии. На вопрос о том, зачем мы здесь собрались, и какова цель нашего собрания. Я бы сказал, что я не знаю этого. Почему не знаю? Это я тоже объясню. Потому что изначально трудно определиться со всей терминологией, всеми теми концептами, которые в наших рассуждениях фигурируют. Специфика нашей с вами жизни, жизни гуманитария, заключается в том, что нам вначале нужно все эти вещи «обговорить», и только потом, постепенно, смысл того, чем мы оперируем, постепенно начинает проясняться и даже формироваться. Я считаю, что без этого «обговаривания» в нашей сфере ничего и не происходит. <...>

Я не могу удержаться, чтобы не зачитать маленький кусочек из текста Валерия Александровича Тишкова. В свое время он опубликовал заметки по поводу XXI-го Международного конгресса исторических наук, который состоялся в 2010 г. На этом конгрессе выступила одна известная нидерландская писательница, причем она первой выступала, и сказала так: «Каждый знает, что Клио – это шлюха. Она сидит перед окном в квартале красных фонарей, игривая и сладострастная, она обслуживает как застенчивых ученых-академиков, так и нагловатых, напористых кинорежиссеров. Она одинаково зазывающе смотрит на мужчин и женщин, и предоставляет им все, что они желают – быстрое удовлетворение, длительную опустошающую ласку, жестокую непредсказуемую драму, непознанную страсть. И все это делает без особого напряжения. Такова ее игра. Но кто она на самом деле, не знает никто. Она держит свою подлинную сущность в тайне, и улыбается, подобно Моне Лизе, тем, кто спрашивает ее об этом. Она

выглядит вечно молодой, хотя стара, как мир, и уж, конечно, старше своей профессии».

Я не знаю, как еще лучше сказать о том, что сегодня происходит с историей, с историей как наукой и как сферой профессиональной деятельности, и с тем, что мы от нее желаем получить. Но я думаю, что все – и С.Е. Нарышкин, и В.В. Путин, и Владимир Александрович, и Владимир Николаевич, и культурологи, и политологи, и философы – от истории могут получить все, чего только пожелают, в том числе (иногда такое бывает), даже деньги, которые дают на практическую реализацию идей. Поэтому, друзья мои, восхвалим же Клио, восхвалим историю!

Спасибо огромное, что вы сегодня пришли и приняли участие!